

ОЛЬГА С. ВАРДАЗАРЯН*

DOI:10.57155/EFNS3896

«ШЕСТОДНЕВ» ВАСИЛИЯ КЕСАРИЙСКОГО И ПРИТЧИ МХИТАРА ГОША

Ключевые слова: *Притча, литературные источники, «Шестоднев», Василий Кесарийский, сирийский перевод, армянский перевод, Мхитар Гош, Нерсес Ламбронаци.*

Николай Яковлевич Марр, завершая главу о притчах Мхитара Гоша в своем исследовании сборников притч Вардана, замечает: «Мы несколько остерегаемся напирать на чисто литературные достоинства сборника Мхитара, пока не изучены его источники и не воздано каждому свое»¹. В этом же исследовании Марр, не входя в подробности, указал на три общих источника притч

---

* Մերոպ Մաշտոցի անվան Մասնաշաղկի, փ.գ.թ., olgavardazaryan@gmail.com, հոդվածը ստանալու օրը՝ 18 դեկտեմբերի, 2024, հոդվածը գրախոսելու օրը՝ 21 դեկտեմբերի, 2024:

¹ **Н. Я. Марр**, *Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы*, Ч. 1-3. – Санкт-Петербург, 1894-1899, I, 92, § 89. Вслед за Н. Марром мы тоже предпочитаем называть композиции Мхитара Гоша притчами, а не баснями – во-первых, исходя из их не всегда басенного содержания и конструкции (имеется в виду классическая «эзопова» басня), во-вторых, ввиду многозначности армянского *սոսկ*, применимого для обозначения любого переносного смысла. Сам автор характеризует свои миниатюры как «притчи (*սոսկ*) этические и мифические, воплощающие истину», очевидно, имея в виду соответствующее определение «мифа» в «Прогимнасматах» (т. е. в предварительных риторических упражнениях) Элия Теона (конец I – начало II вв.; переведен на армянский в VI–VII вв.): «Миф – это ложная речь, воплощающая истину» (*Թէոփնէայ Յաղափա ճարտասանական կրթութեանց, աշխատասիրությամբ Հ. Մանանդյանի, Երևան, 1938* (переиздано в сб. **Հ. Մանանդյան, Երկեր, հ. Ը՝ Բնագրագիտական աշխատություններ, Երևան, 2011**), 243 = *Aelii Theoni Progymnasmata, 4 (Aelius Théon, Progymnasmata, texte établi et traduit par M. Patillon, avec l'assistance, pour l'Arménien de G. Bolognesi, Paris: Les Belles Lettes, 1997, p. 30)*. И поскольку под определение «мифа», как явствует из соответствующей главы теоновского пособия, подпадает не только басня, но и притча, анекдот, сказка, байка и прочие формы «ложной речи», Мхитар не сковывает себя строгим жанровым каноном, следя, единственно, за тем, чтобы у его притч было какое-нибудь заключение – не только назидание, но и практический совет, и богословское толкование, и даже просто какая-нибудь максима, иногда не слишком подходящая к предпосланному ей сюжету.

Мхитара и Вардана – басни эзоповы и восточные, а также статьи «Физиолога» (не только те, что имеются в древнем армянском переводе, но и, видимо, каких-то других редакций)². Последующее изучение показало вполне книжное происхождение большинства притч Мхитара, несомненно «сочиненных»³. Уже выявленные литературные источники⁴ составляют довольно солидную для средневекового автора библиотечку: Библия и параканонические книги, сочинения Филона Александрийского, «Мифологические схолии» к речам Григория Назианзина Псевдо-Нонна, «Калила и Димна», или, скорее, его греческий перевод – «Стефанит и Ихнелат», византийская и «простонародная» редакции «Физиолога», не переведенные на армянский, медицинская литература (в частности, Гален, также не переведенный на армянский), Давид Непобедимый, поэма Ованнеса Саркавага (ок. 1045-1129) «Слово премудрости к птенцу, именуемому дрозд»⁵, «Комментарий к двенадцати пророкам» Нерсеса Ламбронаци (1153-1198), «эзоповы» басни в гораздо большем объеме, чем указано Н. Марром, а также восточный фольклор – анекдоты и сказки, впоследствии записанные Абуль-Фараджем (1226-1286) и составителями «Тысячи и одной ночи». В конструкции притч, а также в терминологии, использованной в ремарках между частями сборника, отразилось знакомство автора с «Риторическими упражнениями» Теона Александрийского (I в. н.э.). Наконец, структура сборника – порядок расположения «персонажей» сообразно библейскому порядку сотворения мира (стихии, растительное царство, животное царство, челове-

² Там же и I, 75 §62. Более подробно о влиянии армянского перевода «Физиолога» на сборник Мхитара см. **Gohar Muradyan**, *Physiologus: the Greek and Armenian versions with a study of translation technique*, Leuven – Paris – Dudley, MA, 2005 (Hebrew University Armenian Studies, 6), p. 77.

³ В «Прогимнасматах» Элия Теона ученикам риторских школ предлагается сочинять «мифы», исходя из заданной концовки (очевидно, что в случае басен речь идет о морали, в случае притч – о толковании); упражнение такого рода тем легче исполнить, чем больше ученик будет помнить различных «мифов» – тех, что дошли под именами древних авторов, тех, что ученики читали и записывали, тренируясь в «слушании» (это система упражнений, развивающие способность запоминать и понимать произносимые речи), и наконец, тех, что они «сочинили сами» (*Թէոփիևայ Յաղափա ճարտասանական կրթութեանց*, 243 = *Aelii Theoni Progymnasmata*, 4 (**Aelius Théon**, p. 35)).

⁴ См. **Օ. Վարդապարյան**, *Միտքաբար Գոշի Առակները*, Մատենադարժ Հայոց, հ. Ի, ժԲ դ., Մխիթար Գոշ, Գիրք Բ, Երևան, 2014, էջ 15-36 (**Օ. Вардазарян**, *Притчи Мхитара Гоша*, в серии «Армянские классические авторы» (далее всюду АКЛА), т. 20: XII в., Мхитар Гош, кн. II, Ереван, 2014, сс. 15-36).

⁵ Полное название поэмы: «Слово премудрости, сказанное для занятия ума ученым вардапетом Ованнесом Саркавагом к птенцу, именуемому дрозд, что сладкозвучно щebetал в его молельне».

ство) – мог быть подсказан Мхитару «Шестодневом» Василия Кесарийского⁶. В желании черпать материал для своих притч из любых доступных источников ради наставления «тугодумов»⁷ Мхитар также вполне следует за Василием (Арм.Вас. VII.6, с. 242.7-13):

⁶ Этот порядок нарушен лишь в отношении небесных тел, сотворение которых в Библии следует за растительным миром (обстоятельство, особо отмеченное Василием в отношении солнца – см. Арм.Вас. IV.5, с. 116.1-3 и V.1, с. 126.10-127.5). У Мхитара притчи с солнцем, луной и звездами вынесены в начало сборника, по всей видимости, из-за постоянного стремления автора к установлению иерархических отношений между персонажами. Хотя не исключено, что эти единицы сборника были перемещены позднейшим редактором, который почему-то забыл сделать то же самое в отношении «географических» притч (№ 62 «Горы», № 63 «Реки», № 64 «Источники»).

Древнеармянский перевод «Шестоднева» Василия здесь и далее цитируется как Арм.Вас. , указывается номер книги и параграфа греческого текста по изданию **Basilius von Caesarea, Homilien zum Hexaemeron**, Hrsg. von **Emmanuel Amand de Mendieta** und **Stig Y. Rudberg**, Berlin, 1997 (Die griechischen christlichen Schrihsteller der ersten Jahrhundert; N. F., Bd. 2), затем страницы и строки армянского текста по изданию К. Мурадяна: **Բարսեղ Չեսարացի, Յաղագս վեցաօրեայ արարչութեան, աշխատասիրութեամբ Չիմ Մուրադյանի**, 1984. Русский перевод выдержек из армянской версии «Шестоднева» всюду наш.

⁷ Ремарка между XXV и XVI притчами (АКЛА, т. 20, с. 54): «Из известных и неизвестных растений, равно пригодных для примеров и притч, многие мы опустили и собрали лишь несколько избранных <нами> символов, предоставив тем, кто изучает речи, подобным же образом восполнить недостающее. Перейдем же теперь к другим <предметам>, то есть к растениям цветущим, злакам и овощам, чтобы и из них набрать немного образцов для нравственного и басенного <поучения>; если и покажется <кому-то>, что сказанное нелепо, тугодумам оно доставляет особое удовольствие – ради чего мы и постарались написать <то> немногое, <что здесь сказано>» (перевод О.В).

Публикуемые здесь переводы притч Мхитара Гоша принадлежит либо автору этих строк, либо это переводы И. А. Орбели, извлеченные из его монографии «Басни средневековой Армении» (в сб. **И. А. Орбели, Избранные труды в двух томах**, т. 1: *Из истории культуры и искусства Армении X-XIII вв.*, Москва, 1968, сс. 206-504; предварительно, еще при жизни ученого, 64 басни Гоша из этого исследования были опубликованы в сб. **И. А. Орбели, Басни средневековой Армении**, Москва-Ленинград, 1956). Они были сверены нами с критическим изданием армянского текста Эм. Пивазяна (**Մխիթար Գոշ, Առակներ, տեխաւր ձեռագրերի համեմատութեամբ և ներածութիւնն էմ. Պիվազյանի**, Երևան, 1951 = АКЛА, т. 20, сс. 42-106) и по мере надобности отредактированы. Поскольку притча – малый жанр, в ней важно каждое слово и каждый оборот: уточнение текста иногда радикально меняет образ, на котором она строится (см. например, к чему приводит исправление «мурены» на «мурекс» в 73-й притче); между тем, вероятно, пиетет перед ученым не позволил издателям поправить даже очевидные стилистические огрехи. С другой стороны, язык самих притч – обычный бытовой язык своего времени, очевидно, не слишком вариативный; он требует такого же языка перевода. Учитывая эти обстоятельства, мы посчитали возможным не следовать современному обыкновению не редактировать тексты покойных авторов.

«Ибо всяким словом своим, что я произношу, я устремляюсь к одной-единственной положенной в уме цели – чтобы быть мне помощником и устройтелем церкви Божией. И если я привожу обильные примеры, <взятые> с земли и из моря, я <тем самым> пытаюсь умерить наглость и злобу тех, кто живет свою жизнь, <совершая> недостойные дела. Все это я говорю, чтобы в преизбытке наставить тех, кто не получил наставления».

Не исключено, что именно «с благословения» Василия Мхитар посчитал возможным использовать для нравоучения истинные или вымышленные характеры животных (Арм.Вас. IX, 3; 295.4 – 300.8).

Текст «Шестоднева», которым располагал Мхитар, вряд ли существенно отличался от того, что дошел до нас. Это очень своеобразный перевод, сделанный, безусловно, с сирийского, но содержащий многочисленные добавления, внесенные самим армянским переводчиком⁸. Такая вольность, в целом не свойственная древним армянским переводам, возможно, свидетельствует о том, что с самого начала⁹ этот текст предназначался для достаточно широкой аудитории. Однако рукописная традиция этого сочинения прослеживается лишь с эпохи Мхитара Гоша: самая древняя рукопись, содержащая полный армянский «Шестоднев», датируется 1187 годом (список А)¹⁰, вплоть до последней трети XIII в. рукописей нет, затем регистрируется еще четыре списка. Это означает, даже с учетом всех потерь, неизбежных в многовековой истории любой книги, что найти текст «Шестоднева» уже во времена Гоша было не так-то легко. Судя по чтению «эпенес» (Էպենէս) в семьдесят первой притче, список «Шестоднева», с которым работал Мхитар, принадлежал к группе ЕН

⁸ **R. W. Thomson**, *A Study of the Armenian Version of Saint Basil's Hexaemeron and its Influence on Medieval Armenian Views about the Cosmos*, Lovanii, 2012 (CSCO, Vol. 646, Subsidia, t. 130), pp. VII, 22-24. «Творческий» перевод отмечал в свое время и издатель армянского текста Ким Мурадян (*Василий Кесарийский и его «Шестоднев» в армянской литературе* [Բարսեղ Կեսարացիի և նրա «Չեցօրեան» հայ մատենադարանի վրա], Ереван, 1976, с. 203).

⁹ Армянский перевод был сделан между V веком – временем появления сирийской версии, и первым дословным цитированием армянской версии в «Космологии» и «Географии» Анании Ширакаци (ок. 600 – ок. 670) (**R. W. Thomson**, *A Study of the Armenian Version of Saint Basil's Hexaemeron*, p. 9-10; текстуальные сопоставления см. в Арм.Вас., Предисловие, сс. XVI-XIX). Езник Кохбацци (V в.), обнаруживающий знакомство с «Шестодневом» в своем «Опровержении ересей», по мнению Р.Томсона, мог читать его в греческом подлиннике (**R. W. Thomson**, *A Study of the Armenian Version of Saint Basil's Hexaemeron*, pp. 32-33).

¹⁰ Рукопись M1801 (Арм.Вас., Предисловие, с. XXV-XXVI, XXX).

(XIV в.)¹¹: в нем сохранилось чтение *pns* сирийского текста, но с протетическим гласным, точно отражающим¹² воспроизведенный еще, вероятно, в самом сирийском переводе греческий артикль множественного числа (*αι*¹³ *πίvναi*¹⁴)¹⁵.

Поскольку нет никаких оснований предполагать, что Мхитар обращался к греческому или сирийскому тексту, сопоставлять его притчи следует именно с армянской версией «Шестоднева». Сопоставления эти важны не только для выявления как явных, так и неочевидных заимствований, но и для наблюдений за конструированием притч с использованием этих заимствований.

1. Остановимся сначала на случаях, когда тот или иной пассаж Василия становится сюжетной основой для притчи Мхитара.

Притча XXII. [Умный человек и деревья]¹⁶

Умный человек спросил у деревьев: «Почему, чем больше вы растете вверх, тем глубже уходят ваши корни?». Они говорят: «Ты так рассудителен, а не знаешь, что мы не могли бы нести столько ветвей и противиться ветру, если бы не пускали глубоких и разветвленных корней? Видишь наших братьев, бук и сосну? Они не ветвисты, и, глубоких корней не имея, не могут устоять против ветра».

¹¹ Арм.Вас. VII.243.12.

¹² Остальные разночтения можно считать вариациями исходного *խիմնու*: *խիմնու*, *խիմնիմնու*, *խիմնու*, *խիմնիմնու* (Арм.Вас. VII.243.12).

¹³ Отпадение придыхания и стяжение дифтонга *ai* в *э* произошло в разговорном греческом языке уже в римскую эпоху (F. R. Adrados, *A History of the Greek Language: from its Origins to the Present*, Leiden-Boston, 2005, p. 193).

¹⁴ Пинна (*Pinna nobilis*), крупнейший двустворчатый моллюск Средиземного моря, клиновидной формы, с тонкими створками. Обитает на мягком грунте, втыкается в песок острым концом, или же крепится для сохранения вертикального положения к ближайшим поверхностям с помощью собственного секрета (биссуса), который, затвердев, образует прочные шелковистые нити желтоватого, коричневатого или синевато-пурпурного цвета, издревле используемые для изготовления драгоценной ткани – «морского шелка» (*Биологический энциклопедический словарь*, под ред. М. С. Гилярова, Москва, 1986, s.v. Пинны, с. 468; *Жизнь животных в 7-ми томах*, т. 2, под ред. Р. К. Пастернак, Москва, 1988, сс. 91-92).

¹⁵ В сирийском тексте, изданном Р. Томсоном, протетического гласного в этой позиции нет, см. *The Syriac Version of the Hexaemeron by Basil of Caesarea*, edited by R. W. Thomson, Lovanii, 1995 (CSCO, vol. 550, Scr. Syr. t. 222), 126.30, но см. похожее происхождение чтения «эфене» (ή φήνη, орлан), засвидетельствованного в сирийском фрагменте V века BL add. 17143 (Л. Тер-Петросян, *Армения и христианская Сирия. Культурные связи IV-V вв.*, Ереван, 2022, гл. I, §3: «"Беседы на Шестоднев" Василия Кесарийского», с. 119, 134; в сирийском тексте Томсона и в этом случае протетический гласный отсутствует, см. *The Syriac Version*, 145, 7).

¹⁶ Заглавия притч условны – в тексте Мхитара их нет.

Наставляет притча тех, кто хочет изучить основу вещей телесных и духовных: следует заложить прочное основание, чтобы тираны из демонов или людей не соблазнили их, и чтобы не сотворить им множества грехов¹⁷. Если же начнут поверхностно и неуглубленно, легко могут погибнуть – как и учит притча Господня¹⁸.

Ср. Арм.Вас. V.3, с. 134.7-12:

После этого оно (семя) начинает двигаться вверх и опускаться вниз, чтобы вверху появилось растение, а внизу укрепился корень: сколько корней <оно> пустит вниз, столько же появится и ветвей вверху. Как зеленое растение появляется вверху, так и корни появляются внизу.

Арм.Вас. V.7, с. 149.16/150.9: Ибо часть деревьев имеют глубокие корни и широкие основания, часть – ползучие и тонкоствольные, иные имеют единственный ствол и растут прямо, другие же многоствольны и стволы их жестки; есть и те, что распространяются по земле, ибо по мере распространения корней внутри <земли> по земле во все стороны распространяются и отпрыски их. Часть их высоко-рослы и возносятся на высоту, вырастают красавцами-великанами, с длинными <ветвями>, - и чем больше они растут вверх, тем большей глубины достигают их корни, чтобы великая высота <стволов> или неукротимая природа ветров не лишила бы корней ненадежной почвы.

Искусственный, надуманный характер этой притчи заметил еще И. А. Орбели, но литературный источник, легший в ее основу, был ему неизвестен¹⁹. Гош создает притчу, взяв у Василия общую идею равновесия корней и кроны, и оживляет ее диалогом с легким агональным оттенком: деревья не просто удовлетворяют любознательность человека, но *упрекают* его за незнание очевидных вещей. Все это завершается назиданием, содержащим символический перенос (прочные корни – прочные основы духовного познания) и отсылкой к двум евангельским притчам – Мф. 7:24-27 (о человеке, построившем дом на песке) и Мф. 13:5-6 (о сеятеле и семенах, упавших на каменистую почву).

¹⁷ Мы выбираем чтение բազմամեղուն (см. Словарь среднеармянского языка (Թ. Ս. Ղազարյան, Հ. Մ. Ավետիսյան, Միջին հազարեկի բառարան, Երևան, 2009), s.v.) как более подходящее к контексту; И. А. Орбели читает բազմաբեղուն «приносящий обильные плоды» (рукописи BCDS).

¹⁸ АКЛА, т. 20, с. 51-52; ср. И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 266.

¹⁹ И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 266.

2. Такая схема – превращение нейтрального повествования источника в некую коллизию, и переносное толкование в назидательной части – встречается и в других притчах, например:

Притча V. [Звезды]

Некогда собрались звезды, и старейшие из них говорят: «Нас много, почему же мы не светим днем и ночью, подобно солнцу и луне?» И говорит одна из них: «Ибо мы не действуем единодушно!». И подумав, согласились сначала упразднить солнце, но уже при восходе луны потерпели поражение и говорят: «Мы так поблекли от нее! Что же с нами будет, когда взойдет солнце?». И, раскаявшись, признали свое поражение.

Эта притча учит тому, что, пусть и во множестве, но слабым нельзя побороть сильного. Мудрость в том, чтобы слабый набирался опыта и каялся, и этим заслужил отпущение <грехов>²⁰.

Ср. Арм.Вас. VI.10, с. 205.5-16:

И на этом примере пойми со всей ясностью, сколь велики его (солнца) размеры: *смотри, какое множество звезд на небе, но всех их вместе недостаточно, чтобы осветить печаль и уныние ночи. Солнце же, стоит ему одному появиться и распространить свои лучи в воздухе, освещает разом пределы всего мира, и очи всех видящих, что открываются ему навстречу и просыпаются. Да и до своего появления и до того, как оно распространит лучи свои с высоты по всей земле, оно рассеивает и разрежает мрак, и изгоняет сумерки, прекращает печаль и уныние, и, распространяя ярчайший свет, перекрывает свечение звезд.*

3. Следующая притча – простой конспект соответствующего места из «Шестоднева», в котором, к тому же, Мхитар, вероятно, усмотрел отголосок книги Иоила (гл. 1-2), где нашествие саранчи описано как нашествие вражеской армии (см. тж. Откров. 9:3-11):

Арм.Вас. VIII.7, с. 278.14-279.10: Или как рассказать тебе о том, как разом собирается огромное воинство саранчи, что в одно и то же как бы обговоренное время всей толпой выступает в поход – подобно множеству воинов, когда они, собранные воедино, плечо к плечу всей армией опускаются на обширные поля. И не в тот же миг как садятся,

²⁰ АКЛА, т. 20, с. 43; ср. И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 299.

начинают они уничтожать плоды полевые, но пока не случится приказа, отданного высшими силами, они не осмеливаются приступить к делу. Или каким образом скворцы²¹ и дрозды, когда получают приказ исцелить нас от ударов, а их (саранчу) погубить, налетают неожиданно и истребляют? И как же Бог своей человеколюбивой силой создал и вложил в малых птах <способность> быстро переваривать и есть без разбора, и стремительно опорожняться – ради помощи жизням человеческим усвоив им природную ненасытность.

Прича CLVIII. [Саранча и птицы]

Саранча называется воинством Божиим, ибо по Его приказу она собирается, чтобы разорять страну, и по Его мановению направляются птичьи стаи для ее истребления.

Притча показывает, что по воле Господней цари собирают войско, чтобы разорить страну и захватить добычу, и Его же промышлением иные укрепляются, чтобы их изгнать²².

4. Подобное «конспектирование» может принять совершенно радикальный характер – когда из исходного текста извлекается либо образ, либо общая идея, из которой вырастает сюжет притчи. Так, у Василия читаем:

Арм. Вас. V, 7, 152.14-153.15: Пальмы называются самцами и самками, и та пальма, что называется самкой, склоняет и выгибает свои ветви в сторону пальмы-самца, и когда сблизятся их ветви, случается что-то вроде любви, и жалости, и супружества. А земледельцы, сведущие в растениях, и знающие суть²³ вещей, собирают с ветвей мужского растения нечто подобное семени, именуемого «псена», относят и посыпают им пальму-самку. И как только она принимает сей малейший знак от пальмы-самца, тут же ветви ее устремляются вверх, и она утверждается в своем основании, стано-

²¹ В тексте տարժուխ, для которой НСАЯ (ԵՐՀԼ, Новый словарь армянского языка, Венеция, 1836-1837) предлагает два эквивалента – Sturnus (скворец) либо Seleucis (то же в греческом тексте). LSJ (*The Online Liddel-Scott-Jones Greek-English Lexicon*, <https://stephanus.tlg.uci.edu/lsg/#context=lsj&eid=96327>) переводит Seleucis как Rose-coloured Pastor, Pastor roseus – Розовый скворец, птица, которая действительно в сезон питается саранчовыми и весьма полезна в случае их нашествий (*Биологический энциклопедический словарь*, под ред. М. С. Гилярова, Москва, 1986, s.v. Розовый скворец).

²² АКЛА, т. 20, с. 95; И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 434.

²³ Букв. «меру».

вится крепкой, прямостоящей и исцеляется от своей прежней ослабленности, как будто теперь она успокоилась и достигла желаемого.

Подобно этому, можно привести в пример и другие деревья, в том числе и <разные виды> смоковниц. Ведь существует смоковница, именуемая «бешеной», то есть дикорастущая сорная смоковница, и ее приносят и сажают рядом с домашней, чтобы она в зной защищала плоды на домашней смоковнице, и они бы выросли и созрели, не претерпев ущерба. Если же дикая смоковница не растет рядом с домашней, срывают плоды с дикой, приносят и вешают на домашнюю, чтобы те не дали осыпаться и пропасть сладким плодам с домашней смоковницы.

Это пространное рассуждение Мхитар спрессовывает до образа склоняемых ветвей, к тому же перенесенного на смоковницу – скорее всего, под влиянием фигуры уподобления в самом «Шестодневе». Но дело не только в выражении «подобно этому», но и в том, что Гошу наверняка было известно, что в тексте Василия имеется ошибка: осы-псены опыляют именно инжировые деревья, а не пальмы²⁴.

Притча XII. [Смоковница]

Спросили смоковницу: «Почему ты так много ветвей склоняешь к земле?». И она говорит: «Много у меня врагов, и я пригибаюсь, чтобы мне не обломали ветвей: прежде чем взбуриться на меня, я уже насыщаю их, и они забывают свою злобу».

Эта басня учит встречать врагов, если мы не можем им навредить, угощением, смиренно и приветливо – чтобы утишить их жестокость добротой²⁵.

²⁴ Смоковница, инжир, фиговое дерево – двудомное растение. То, что Василий называет дикой смоковницей, на самом деле мужское растение, семенем которого женские растения опыляются благодаря особой породе ос-наездников (*Blastophaga ruficornis*, и в армянском «Шестодневе» – заимствованное из греческого *ψῆν*), личинки которой развиваются в мужских соцветиях (см. *Ficus carica* L. // Плантариум. Растения и лишайники России и сопредельных стран: открытый онлайн атлас и определитель растений. [Электронный ресурс] URL: <https://www.plantarium.ru/page/view/item/16413.html> (дата обращения: 29.07.2024)). Финиковая пальма опыляется ветром или вручную – цветущими мужскими соцветиями (Б. Новак, Б. Шульц, *Тропические плоды. Биология, применение, выращивание и сбор урожая*, Москва, 2002, s.v. Финик, сс. 63-65).

²⁵ АКЛА, т. 20, с. 46; ср. И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 421.

Что же касается множества врагов, которых надо задобрить, чтобы они не обломали ветвей, то это, вероятно, реминисценция той же книги пророка Иоиля (1:7): «Опустошил он виноградную лозу Мою, и смоковницу Мою обломал, ободрал ее догола, и бросил; сделались белыми ветви ее».

5. Точно так же из пострального пассажа о преобразованиях воды в растениях, приводящих к различию вкусов и запахов в разных растениях или в разных частях одного и того же растения (Арм.Вас. V.8; сс. 158.1-159.19), Гош извлекает лишь основную идею для сюжета 156-й притчи:

Некий муж, любитель деревьев, насадил у себя в саду раскидистую маслину, и прекрасный источник орошал это дерево, так что оно часто плодоносило, и садовник весьма радовался. Но пришла откуда-то ржавая вода и погубила плоды масличные. Когда же он вернул дереву <прежнюю воду>, оно опять стала приносить плоды хорошие. И возрадовался этому садовник еще более.

Садом эта притча зовет различные добродетели, насажденные в добротолубивой душе. Маслина же – это милосердие, которое Он возлюбил, и посадил с другими деревьями; источник – это знание, которое делает милосердие плодоносным, а ржавая вода – губительные страсти (тщеславие и другие). И отведение <ржавой> воды – это отсечение страсти, и новая радость от плодоношения²⁶.

6. Рассуждение Василия о фазах луны, и особенно выводимое из него поучение послужило Мхитару основой для двух подобных по своей конструкции притч:

Притча III. [Солнце]

Некогда солнце на восходе возомнило о себе, что оно бог. Но на закате, склонившись и скрывшись под землю, оно познало свою <истинную> природу.

Подобно этому и²⁷ некоторые из неразумных царей, возносясь в победной славе, возомнили, что они боги; сходя же в могилу, узнали, какова их <истинная> природа²⁸.

²⁶ АКЛА, т. 20, с. 94.

²⁷ Букв. «Образ/подобие показывает, что».

²⁸ АКЛА, т. 20, с. 42; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 299.

IV. [Луна]

В полнолуние луна возомнила, что она солнце и может осветить день. Но на ущербе она и ночь осветить <не может>.

*Обличает иносказание того, кто, заслужив в чем-либо почет, думает, что достиг положения великих, и в неразумии своем не пользуется и тем, что имеет*²⁹.

Ср. Арм.Вас. VI.10; сс. 207.5-7, 207.13-208.3:

Во всех этих весьма восхитительных, изумительных и многообразных изменениях, что видим мы в сей речи, отпечатлелась премудрость³⁰ Творца, и сообщено *толкование природы нашей* – в образе, явственно начертанном перед нашими глазами – что *нет в человеке ничего, что пребывает и не преходит...*

И опять-таки, когда луна начинает постепенно убывать, истощается, иссякает и завершается, <это для того>, чтобы мы извлекли наставление из этих ее форм относительно нашей природы, и из скоротечного изменения стихий³¹, постоянно обращающихся в нас и вокруг нас, усвоили понимание мудрости. Чтобы, наслаждаясь удобством вещей преходящего мира, не забыть нам о душах наших, и не предаться нечестивым мыслям, возносящим нас превыше отмеренных нам возможностей, и не привыкнуть к могуществу власти и тем самым причинить вред нашим жизням. *И не гордитесь величием и не обманывайтесь его соблазнами*³², *ибо кроются в нем разнообразные опасности, не могущие даже на ум прийти <человеку>.*

7. Пассаж о журавлях (Арм.Вас. VIII, 5; 267. 3 – 17) также отразился сразу в двух притчах Мхитара: в первой в качестве детали повествования, во второй – в качестве сюжетной основы:

Правда ли, что журавли <ведут себя> как стражники в дозоре и охраняют друг друга ночью – половина спит, половина же бодрствует и *обходит вокруг гнезд и усиливает предосторожности, пока другие спят и отдыхают?* И когда кончается время дозора одного из них, он громко кричит в последний раз, и после этого сам засыпает – и тогда вслед за ним встает другой, чтобы возместить <своим> бдением

²⁹ АКЛА, т. 20, с. 42; ср. И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 298.

³⁰ Некоторые армянские рукописи и сирийская версия дают чтение «Во всех этих ... изменениях, что мы видим, отпечатлелась неизречимая премудрость» (R. W. Thomson, *A Study of the Armenian Version of Saint Basil's Hexaemeron*, 178, n.154).

³¹ Букв. «природ».

³² Ср. I Тим. 6.17.

охрану, под которой он пребывал <благодаря> товарищу, пока спал сам. А когда журавли встают на крыло, чтобы улететь, они движутся в упорядоченном строю и в полете обгоняют один другого и служат друг другу предводителями. И он (т.е. журавль) очевидно следит за моментом, когда ему следует лететь впереди товарища, потому что держит в уме, что тот будет следовать за ним, в какую бы сторону он ни повел. И спустя короткое <время> кто-то первый <уходит> назад, чтобы оказать честь товарищу <и позволить ему> идти первым как главному.

Притча СХLI. [Журавли]

Журавли в полете образуют строй, и ведут за собою друг друга, и с курлыканьем уступают место друг другу, и не странствуют, подобно некоторым, в одиночку, а охраняют друг друга.

*Этот пример наставляет нас чтить и оберегать друг друга всюду, где бы мы не находились*³³.

Притча СХХII. [Аист и воробьи]

Стая воробьев отправилась к аисту, и, умоляли его, говоря: «Дай нам место в гнезде твоём, чтобы вывести птенцов, и охрани их от змей». А тот говорит: «Что вы для меня сделаете, чтобы я это сделал для вас?» И говорят они: «Будем молиться, чтобы ваши птенцы оставались здоровы, кормясь из вредоносного воздуха³⁴, и чтобы вы ради праведности вашей удостоились грядущей жизни». Ради этого дал им аист место. И вот, когда воробьи вывели птенцов, заползла змея, чтобы утащить кого-нибудь из них. Увидев это, аист ударил и убил змею, и стал обходить свои пределы дозором, чтобы ради спасения <воробьев> убивать всех змей.

*Басня учит нас разделять тяготы слабых, дабы ради оказанного им благодеяния обрести двойное спасение*³⁵.

Идея притчи «Аист и воробьи» подсказана стихом из псалма: «Там птицы небесные выведут птенцов, и гнездо аиста убежище их» (Пс. 103:17 арм. перевода Библии)³⁶; из приведенного пассажа «Шестоднева» заимствована лишь

³³ АКЛА, т. 20, с. 91; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 433.

³⁴ Имеется, вероятно, в виду, что аист обычно гнездится у воды, часто – рядом с болотами с их болезнетворными испарениями и вредными насекомыми.

³⁵ АКЛА, т. 20, с. 85; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 365-б.

³⁶ **Н. Марр**, *Сборники притч Вардана*, I, § 112, с. 123.

одна деталь – дозор, которым птица (в данном случае не журавль, а аист) обходит место ночлега.

8. Точно так же в притче о слоненке Гош берет за основу следующее рассуждение из «Калилы и Димны»: «Мудрецы утверждают, что достойному и добродетельному мужу место либо в царском совете, либо в божьем храме; подобает ему либо вершить государственные дела, окруженному почетом, либо пребывать с аскетами, отрехшись от мирской жизни. Его можно уподобить благородному слону, вся краса и величие которого видны только в двух случаях: когда он шествует по девственному лесу или когда несет на себе царя в сиянии славы, золота и драгоценных украшений»³⁷, или, вероятнее, из греческой версии того же эпоса – «Стефанита и Ихнелата»: «Мужу великой души определено два места – царский двор и пустынножителство с подвижниками, подобно тому, как и слону выпало жить либо в безлюдной глуши, либо при царских дворах»³⁸. Далее для построения притчи необходимо ввести какой-то конфликт. Наиболее очевидный в данном случае – это выбор между двумя возможностями: подвижничество или двор. «Платон»³⁹, предлагающий слоненку преклонить колени, очевидно, собирался наставлять того в монашеской дисциплине (тем более, что слово «философия» в средние века часто и означало именно аскезу⁴⁰). Но ноги слона не гнутся в коленях – эту решающую деталь Мхитар берет именно из «Шестоднева» (IX.5, с. 310.1 – 13):

И ноги слонов лишены суставов и устроены так, словно это устойчивые столбы или твердые опоры, чтобы поддерживать тяжкий груз тучного тела. Ведь если были бы их голени полыми и полными <костного> мозга, а ноги имели бы многосвязные суставы, от напирющей

³⁷ Ибн аль-Мукаффа, *Калила и Димна*, перевод с арабского Б. Шидфар, Москва: «Художественная литература», 1986, с. 97.

³⁸ L.-O. Sjöberg, *Stephanites und Ichneutes* [Acta Universitatis Uppsaliensis. Studia Graeca Uppsaliensia 2. Stockholm, 1962]: 151-244): *Stephanites und Ichneutes*, I, 9, 67.

³⁹ Очевидно, что речь идет об условной фигуре – реальный Платон и его сочинения, даже те, что были переведены на армянский, не пользовались у армянских средневековых книжников сколько-нибудь заметной популярностью.

⁴⁰ См. в отношении Каппадокийских отцев и Иоанна Златоуста в А.-М. Malingrey, «Philosophia». *Étude d'un groupe de mots dans la littérature grecque, des Présocratiques au IVe siècle après J.-C.*, Paris, 1961 (Études et commentaires, XL), pp. 256-275, 284. Армянскому средневековому читателю этот смысл слов «философия», «философствовать» и пр., определенно должен был быть знаком хотя бы по переводной литературе – см., например, в армянском переводе преамбулы «Монашеских правил» того же Василия Великого: **Basilio di Cesarea**, *Il Libro delle Domande (Le Regole)*, edito da G. Ulouhogian, Lovanii, 1993 (CSCO, vol. 536, Scriptores Armeniaci, t. 19) 2; p.1.

и давящей на них огромной тяжести подвела бы их многосуставность и переломали бы суставы друг друга... Только снизу, у лодыжек, связываются ноги слона, потому что он <не имеет> по паре колен на <передних и задних> ногах⁴¹, подобно суставам верблюда: если бы он имел такой облик, суставы не выдержали бы, но переломились бы от великой тяжести, водруженной на них.

Следовательно, слоненка придется отправить ко двору. И получается:

Притча СІ. [Платон и слоненок]

Слон отдал сына учиться философии у Платона. *И тот сначала учил его стоять в аудитории на коленях, но он не мог; приказал ему склонить голову к земле, но и этого он не смог. Вернул его отцу и сказал: «Твоему сыну подобает быть в доме царском, всегда на ногах, а не в моей аудитории, так как он не может ни сидеть, ни склонять головы».*

Эта притча наставляет нас избирать для каждого разряда подходящего <человека> – и по строению, и по нраву, и по всем прочим <свойствам>⁴².

9. Такую же, решающую для построения сюжета, деталь Гош заимствует из рассказа Василия о раке и устрице (Арм.Вас. VII.3, с. 228.6-229.18):

Но опять-таки хочу предостеречь тебя, чтобы ты не следовал нравам немощного пресмыкающегося, водящегося в море – <существа> столь хитрого и подлого. Каркинос, что переводится «рак», желает отведать мяса другого пресмыкающегося, именуемого «остреос» (устрица). И поскольку остреос – трудная добыча, ибо имеет как бы керамическую оболочку, и держит свое мягкое тело нежной природы скрытым за крепостной стеной, а шкура на нем клинистая и гладкая, похожая на черепки (так и называют его – «черепкошкурим»⁴³), и поскольку оболочка у него посередь позвоночника как у моллюска, ибо таким сотворил Создатель это пресмыкающееся, и конечности рака не могут отыскать отверстия в его гладкой и клинистой оболочке, то рак устраивает засаду и наблюдает – не выйдет ли остреос из глубины <ближе> к берегу, чтобы <там> укрыться от ветра. И когда остреос

⁴¹ На самом деле ноги слонов имеют то же строение, что и у других млекопитающих, то есть снабжены тремя суставами (тазобедренный, локтевой / коленный, голеностопный).

⁴² АКЛА, т. 20, с. 79; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 431.

⁴³ Этимология армянского յերկեփորի.

добирается до безопасного места, он начинает открывать солнцу свою оболочку (носимую им на спине, подобно моллюску), чтобы согреться. В тот же миг приближается рак и кидает камень в щель в оболочке, чтобы она не могла закрыться, и тогда он может с легкостью схватить и съесть остреоа. Вот с помощью какой уловки слабый рак восполняет недостаток силы.

LXXIII. [Мурекс и моллюск]

Мурекс⁴⁴ звал к себе домой кого-то из моллюсков, чтобы угостить обедом и упокоить на ложе. А тот не рещался, говоря: «Нелегко мне раздеваться и залезать в постель, но пообедаю я с удовольствием». И, желая показать, как ему трудно раздеваться, он слегка приоткрыл ра-

⁴⁴ «Мурена» вместо «мурекс» в переводе И. А. Орбели (И. А. Орбели, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 73) своим появлением обязана НСАЯ / ՆԲՀԼ, который понимает слово գիւղնիւի, գիւղնիւիւի как «рыба зубастая и сильная, подобная мурене»; при этом в качестве примера употребления приводится именно и только предложение из разбираемой нами притчи; между тем в грабаре для обозначения мурены было заимствованное из греческого слово միւրիւն, употребленное в Арм.Вас., с. 223.18. Однако тот же словарь приводит и другое значение слова «змюрния»: тигех, багрянка – брюхоногий моллюск, хорошо известный в древности благодаря ценнейшему секрету расположенной в мантии пурпурной железы. Этой жидкостью окрашивали кожи и ткани, и, выдержав их потом на солнце и воздухе, получали либо красный, либо фиолетовый цвет – в зависимости от вида улитки. Составителям словаря, вероятно, показалось странным, что моллюск охотиться на моллюска, но здесь познания Гоша или, скорее, его источника абсолютно точны: багрянка действительно высасывает тела других моллюсков, просверливая стенки раковин или взламывая их створки (*Жизнь животных по А.Э. Брему*, в пяти томах, под ред. А. Н. Северцова, т. 1: *Простейшие, Губки, Кишечнополостные, Черви, Моллюски, Иглокожие*, Москва, 1948, сс. 422-423). Откуда автор притч почерпнул эти сведения, неясно. Он безусловно знаком с рассказом Псевдо-Нонна о том, как были обнаружены красильные свойства мурекса («Мифологические схолии», III, 59, в изд. Նոննոսի Գրիգոր Նազիանզացու հինգ ճառերի լուծմունքները, Հակոբ Մանանդյան, Երկեր, հտ. Ը, Եր., 2011, էջ 57), поскольку в предыдущей, 72-й притче, использует выражение Псевдо-Нонна «кровь багрянки» (արիւն կոնֆիւղիւն) в развязке («Нет, ты просто крови моей жаждешь!» - восклицает багрянка). Правда, у Псевдо-Нонна моллюск, как мы видим, называется կոնֆիւղ (греч. κογχύλη, κογχύλιον), а Гош именует его խխնդիւն. Вопрос в том, осознавал ли Гош, что речь идет об одном и том же существе (или, во всяком случае, об одном и том же виде)? Ведь, скажем, его 71-я притча об эпенесе, в которой моллюск пинна, подобно мифической саламандре из «простонародной» редакции «Физиолога» (“Physiologus, diversarum versionum capita disiecta in vulgare lingua,” cap. 24, in F. Sbordone, *Physiologus*. Rome, 1936), ловится на огонь, наводит на мысль, что сам Гош, как и его предполагаемая аудитория, не особенно хорошо разбирался в обитателях моря, и просто конструировал своих персонажей из подручного материала.

ковину, а хищник кинул камень между створок и, схватив моллюска, сожрал.

Эта притча разоблачает нрав подлеца, который, улучив время, стремится осуществить свой злой умысел, оставив прежде обозначенное намерение – ибо он сам собственные слова ни во что не ставит; и нелегко от него спастись⁴⁵.

10. Подобным же образом Мхитар обходится и с пассажем об орле, избавляющемся от второго птенца (Арм.Вас. VIII.6, с. 272. 12-17): «И орлу весьма тягостным кажется выкармливание птенцов: он выводит всего двоих, и одного отвергает и мощными крылами выталкивает <из гнезда>, поскольку снабжает и кормит лишь одного – ибо кормление птенцов <требует> большого труда».

Притча CXIV. [Орел и птицы]

Птицы сообща подняли крик: «Князь наш, орел, злодействует: он всегда питается нами и от других охотников не охраняет!». Услыхал <орел> и сказал: «Какого еще благодеяния вам <от меня надо>? Я рождаю двух сыновей и одного из их убиваю, чтобы не быть вам в тягость. И когда я рядом, никто не может на вас охотиться, а если вас вдруг застают где-нибудь еще, то вас ловят. Зря вы меня обвиняете!».

Все цари имеют обыкновение поступать согласно этой притче: сына, наследника царства, он держит при себе, чтобы они <вдвоем> не стали причиной гибели страны. И когда они рядом, никто не осмеливается творить зло⁴⁶.

11. В ряде случаев речь может идти лишь об отдаленной реминисценции «Шестоднева». Так, в притче о верблюде (№ 102)⁴⁷ Гошу понадобилось только представление о его гневливости; между тем Василий говорит об этом свойстве лишь вскользь, а больше сосредоточен на осуждении присущего этому животному злопамятства (VIII.1; 252. 3-15).

12. Другие животные, о которых Мхитар слагал свои притчи (ласточка, пчела, муравей, цикада), упоминаются и в «Шестодневе», но найти какую-то связь между этими упоминаниями и соответствующими композициями затруднительно – особенно тогда, когда имеется общий для обоих авторов

⁴⁵ АКЛА, т. 20, с. 70; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 428.

⁴⁶ АКЛА, т. 20, с. 83; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 231.

⁴⁷ АКЛА, т. 20, с. 79; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 431.

источник (например, Притч. 6:6-8 о муравье и пчеле). Замысел 75-ой притчи мог сложиться под впечатлением двух противоречащих друг другу пассажей – из «Шестоднева» и «Толкования двенадцати [малых] пророков» Нерсеса Ламбронаци:

Притча LXXV. [Рыбы и их царь]

Царь рыб обвинял своих подданных: мол, почему вы едите других, что помельче? Те же, осмелев, заявили: «Потому что мы от тебя научились. Многие пришли поклониться тебе, а ты заглотал их как пищу» – поэтому и <подданные> сами обнаглели до крайности.

Притча укоряет тех, кто любит поносить <кого-то> за то, что сам делает, и <тем самым> еще больше склоняет того к злодеяниям, а не останавливает. Ибо наставлять надо делом, а не словами⁴⁸.

Ср. Арм.Вас. VII.3, с. 227.1-228.5):

И часть из них (т.е. рыб) едят траву, что растет в водах, и этим довольствуется ... – наряду со множеством других рыб, пожирающих друг друга: ибо малые из них – корм для той, что побольше, а если эта последняя повстречает еще большую, станет пищей для нее, так как они покорствуют утробам друг друга – от мала до велика. Но и у нас, у людей, очевидно, так же: таким же образом действуем и мы по воле нашей, ибо тот из нас, кто беднее, находится в услужении у богатого. Так чем же отличается бедный человек от мелкой рыбешки перед лицом богатого, разинувшего пасть в жадности своей и ненасытно поглощающего чужое имущество? Ведь этот присвоит что-то, что не его, из имущества того бедняка, и прибавит к запасам своим, а другой, подобно ему, но побогаче него, придет и набросится на него, и возьмет всю добычу, что тот отнял у других. И вот, увидят <все как> выйдут и будут кружить⁴⁹ друг вокруг друга злобный и еще злобнее, жадный – и еще жаднее. Но жадному притеснителю следует подумывать, не настигнет ли его, как рыбу, сеть погибели, и, когда он посчитает, что убежал от всех бед и близок к избавлению, не приключится ли ему в следующий миг нежданная погибель и уничтожение, как наказание за <причиненное им> зло, что должно обнаружится в конце – и от чего невозможно избавиться и остаться в живых.

⁴⁸ АКЛА, т. 20, с. 71; ср. **И. А. Орбели**, *Басни средневековой Армении*, 1968, с. 428.

⁴⁹ Букв. «играть / резвиться» (խաղալիս).

Царь водных животных, по Мхитару – это Левиафан, равно как наземных – Бегемот (72-я притча⁵⁰). Но в армянском тексте Библии они не упоминаются. Ближайшим источником этих имен для Мхитара, скорее всего, послужил следующая пассаж из «Толкования двенадцати (малых) пророков» Нерсеса Ламбронаци на стих Аввакум, 1:13-14, трактующий ту же тему малых и больших рыб, хотя и в совершенно другом ключе⁵¹:

«[Чистым очам Твоим не свойственно смотреть на злодеяния, и смотреть на притеснение Ты не можешь; для чего же Ты смотришь на злодеев и безмолвствуешь, когда нечестивец поглощает того, кто праведнее его,] и оставляешь людей как рыбу в море, как пресмыкающихся, у которых нет властителя». А сейчас почему ты отказываешь Творцу в том, что Он положил закон на суше, и установил порядок свой в море, и говоришь – смотри, Ты сделал людей как рыб морских, и как пресмыкающихся, у которых нет предводителя: вот же Левиафан – он глава животных, что в море, и Бегемот – царь пресмыкающихся на суше. И Давид объявляет в духе о порядках в море и на суше и показывает, что великие не губят малых, и малые не истощаются пред лицом великих – ибо говорит так: «это море великое и тихое (так в арм. тексте ≠ LXX), в нем обитают гады без счета, звери большие и малые» (Пс. 103, 25). Что же ты утесняешь <их> и отказываешь <им> в таком порядке, если вот, Давид признает, что есть порядок среди рыб – тех самых, о которых ты мнил, будто нет у них порядка и закона, и предводителей среди людей, как признал и наш пророк. Если бы это было так – большие звери заглotalи бы товарищей своих, и не стало бы там мелких вовсе. Однако показывает пророк, что хотя те больше своих товарищей, но, говорит он, благоустройство и мир царят среди них, зверей больших и малых, и сообщает нам, что там большие не кормятся меньшими, но Бог им кормилец: он говорит, что все ждут Тебя, и ты даешь им пищу в назначенный час (см.

⁵⁰ АКЛА, т. 20, с. 70.

⁵¹ Մեկնութիւն սրբոց երկոտասան մարգարէից Արարեալ երանելոյն Ներսիսի Կամբոնացոյ Արեւայիսկոպոսի Տարսուծի Կիլիկեցոյ, ուղղափառ վարդապետութեամբ և լուսաւոր բանիւմ, յօգոստ մանկանց կաթողիկէ սրբոյն եկեղեցոյ: Յանելեալ մաս ի վերջոյ Մեկնութեամբն Դանիէլի Մարգարէի, արարեալն ի Վարդանայ վանական Վարդապետէ՛ համառօտ և լուսաւոր մտօք: Տպագրեալ ըստ ընտիր օրինակաց ..., աշխատասիր. Տ. Անդրէաս վրդ. Նարինեան Ակնեցոյ, Ի Կոստանդինուպօլիս, 1825-1826, էջ 142-143:

Пс. 103:27). *Итак, если они ждут Его, то не осмелятся <нападать> друг на друга. Но пророк не намерен противоречить Давиду, повествующему о творении Божиим и о границе, установленной на море и на суше, но говорит, что как Ты создал рыб, что кормятся друг другом и не иссякают, но большие поглощают малых по воле Твоей, так и халдей Навуходоносор по Твоему приказанию уловляет и поглощает народы и племена, и пр.*

Мхитар обостряет конфликт именно внутри схемы, заданной Нерсесом Ламбронати: есть предводитель, носитель закона и блюститель порядка, имеется иерархия, но поедание малых, тем не менее, есть беззаконие, санкционированное дурным правителем, а вовсе не волей Божьей – можно даже предположить, что Мхитар составлял свою притчу в полемике со своим современником, вдохновленный моральным пафосом Василия.

«Шестоднев» Василия Кесарийского, как можно видеть, действительно оказал на Мхитара Гоша серьезное влияние – по крайней мере двенадцать притч из 190 так или иначе восходят к этому произведению. Из «Шестоднева», иногда комбинируя его с другими источниками, Гош заимствует либо целые сюжеты для своих притч (один и тот же пассаж может послужить основой для нескольких притч), либо какую-нибудь важную сюжетную деталь. Мхитар составляет притчи, обнаруживая в заимствованной фабуле некий конфликт; при этом назидание строит, как правило, самостоятельно, хотя иногда в общих чертах повторяет его за Василием. Сопоставление притч с их источниками позволяет наблюдать за работой средневекового армянского ритора, готовящего своим ученикам материал для упражнений, а пастве – понятное и занятное назидание.

OLGA VARDAZARYAN

**BASIL OF CAESAREA'S *HEXAEMERON* AND THE PARABLES
OF MKHIT'AR GOSH**

Key words: Parable, literary sources, *Hexaemeron*, Basil of Caesarea, Syriac translation, Armenian translation, Mkhit'ar Gosh, Nersēs Lambronats'i.

The *Hexaemeron* of Basil of Caesarea exerted a serious literary influence on Mkhit'ar Gosh (1130–1213), of whose 190 parables at least twelve are, in one way

or another derived from this work. Gosh borrows from the *Hexaemeron*, on several different levels, sometimes combining its contents with other sources, sometimes adapting an entire plot (with the same passage occasionally serving as the basis for several parables) or simply making use of some particular detail. Mkhitar's parables are often composed on the basis of a certain conflict discovered in the narrative of his source material; at the same time, as a rule, he composes the exhortation or "moral" of the parable independently, although sometimes he repeats it in general outlines after Basil. The comparison of the Mkhitar's parables with their sources allows us to observe the medieval Armenian rhetor at work, preparing exercise material for his students, or comprehensible and entertaining edification for his flock.

ՕՒԳԱ ՎԱՐԴԱԶԱՐՅԱՆ

ԲԱՐՍԵՂ ԿԵՍԱՐԱՑՈՒ

«ՅԱՂԱԳԱ ՎԵՑՕՐԵԱՅ ԱՐԱՐԶՈՒԹԵԱՆ»

ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՄԽԻԹԱՐ ԳՈՇԻ ԱՌԱՎՆԵՐԸ

Բանալի բառեր՝ Առակ, գրական աղբյուրներ, Վեցօրյա արարչություն, Բարսեղ Կեսարացի, ասորերեն թարգմանություն, հայերեն թարգմանություն, Մխիթար Գոշ, Ներսես Լամբրոնացի:

Բարսեղ Կեսարացու «Յաղագս վեցօրեայ արարչութեան» երկը լուրջ ազդեցություն է ունեցել Մխիթար Գոշի վրա. 190-ից առնվազն տասներկու առակ այս կամ այն կերպ բխում է այս աշխատությունից: Գոշն իր առակների համար փոխառել է Վեցօրեայքից, երբեմն այն զուգակցելով այլ աղբյուրների հետ, կամ ամբողջական սյուժեներ (նույն տեղին կարող է հիմք ծառայել մի քանի առակի համար), կամ սյուժեի համար որևէ կարևոր մանրամաս: Մխիթարը առակներ է գրում՝ իր աղբյուրի պատմության մեջ որոշակի բախում նկատելով: Միևնույն ժամանակ նա առակի հորդորը, որպես կանոն, ինքնուրույն է կառուցում, թեև երբեմն ընդհանուր գծերով կրկնում է Բարսեղինը: Առակների համեմատությունը սկզբնաղբյուրների հետ թույլ է տալիս դիտարկել միջնադարյան հայ ճարտասանի աշխատանքը, որն իր աշակերտների համար վարժությունների նյութ կամ իր հոտի համար՝ հասկանալի ու հետաքրքրական խրատ է պատրաստում: